

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СВЕТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЧУЖАЯ ОЦЕНКА В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ К. И. ЧУКОВСКОГО

Обсуждаются вопросы о роли чужих оценок в дискурсе языковой личности, об интенциях автора дневника, прибегающего к воспроизведению чужих эмоциональных оценок, и о том, как эта особенность дневникового текста может характеризовать самого пишущего, с одной стороны, и субъекта оценки – с другой. Чужие оценки рассматриваются как один из косвенных способов высказать свое отношение к действительности или получить оценочное суждение о себе.

Ключевые слова: языковая личность, эмотивно-оценочный дискурс, эмотивно-оценочное слово, чужая оценка.

Эмотивно-оценочная лексика является полифункциональным языковым средством, реализующим широкий круг интенций говорящего субъекта. Все основные типы потребностей, удовлетворяемых в общении, так или иначе связаны с эмотивно-оценочным языком: потребность в человеческих связях, в самоутверждении, в привязанностях, в самоосознании и в системе ориентации. Поэтому данный фрагмент словаря сосредоточивает в себе различные проблемы антропоцентрического плана, в том числе и проблему описания эмотивно-оценочного дискурса языковой личности.

Под дискурсом понимается «язык в языке». Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир [Степанов, 1995]. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990]. Соответственно эмотивно-оценочный дискурс – это фрагмент дискурса в целом, направленный на

вербализацию эмоционального состояния и отношения, а также оценочного суждения.

Языковым материалом настоящего исследования является текст дневников К. И. Чуковского, которые писались автором в течение 37 лет. Данный текст, а именно те его фрагменты, в которых доминирует эмотивно-оценочная лексика, манифестирует следующие интенции языковой личности: выражение эмоциональной оценки, экспликацию эмоционального состояния и отношения и языковое «само моделирование», или создание своего языкового имиджа (М. В. Ляпон). Прочие интенции, реализуемые говорящими с помощью эмотивно-оценочной лексики, в тексте дневника представлены эпизодически.

Эмоциональные оценки, вербализованные в дневнике, могут быть классифицированы по разным основаниям: с точки зрения субъекта и объекта оценки, а также коммуникативной ситуации, в которой реализовано данное высказывание. В связи с этим в эмотивно-оценочном дискурсе выделяются следующие блоки высказываний: 1) эмо-

циональные оценки реальной действительности, включающие, в свою очередь, оценки, у которых нет реального адресата (мы имеем дело с текстом личного дневника писателя), и параллельные оценки одного и того же события – первая воспроизводится в дневнике как вербализованная ранее в реальной коммуникации, а вторая появляется в дневнике как результат возможной недосказанности в действительности; к ним примыкает блок самооценок, в которых совпадают объект и субъект оценки; 2) чужие оценки, воспроизводимые автором в дневнике с помощью разных языковых средств и удовлетворяющие различным интенциональным установкам пишущего.

Цель настоящей статьи – проанализировать особенности передачи чужого эмотивно-оценочного дискурса языковой личностью. Эта проблема является составной частью более общей, связанной с воспроизведением чужой речи. Чужая речь, как известно, характеризуется по двум основным критериям: содержательному и структурному, которые, безусловно, взаимосвязаны. Содержательный критерий основывается на степени точности воспроизведения чужого высказывания, что позволяет выделить дословную, недословную и тематическую передачу чужой речи в дискурсе говорящего субъекта (Г. М. Чумаков, Д. Э. Розенталь, П. М. Нуруллаев). Эти типы воспроизведения чужой речи соотносятся и со способами ее представления (цитация, прямая речь, косвенная речь). Репродукция чужих эмоционально-оценочных высказываний имеет ряд специфических черт, связанных с особенностями эмоционально-оценочного содержания и языковыми способами его представления [Трипольская, 1998; 1999а; 1999б; 2012].

Под чужой оценкой (ЧО) понимается оценочное высказывание субъекта (S'), которое впоследствии воспроизводится вновь другим субъектом (S''), являвшимся в первом речевом акте адресатом или адресатом-объектом оценки. ЧО играют существенную роль в эмоционально-оценочной деятельности говорящих, взаимодействуя в структуре эмотивно-оценочного дискурса с самооценкой и оценкой окружающего мира.

Как замечает М. М. Бахтин, «в бытовой речи всякого социально живущего человека в среднем не менее половины всех произносимых им слов – чужие слова (осознанно

чужие), передаваемые со всеми степенями точности и беспристрастия (точнее – пристрастия). Можно прямо сказать: говорят в быту больше всего о том, что говорят другие – передают, вспоминают, взвешивают, обсуждают чужие слова, мнения, утверждения, сведения, возмущаются ими, соглашались с ними, ссылаются на них и т. д.» [1995. С. 68, 112].

В репродуктивной речи в основном наблюдается сокращение информации (У. Чейф [1983] объясняет это механизмами человеческой памяти), хотя в ряде случаев встречается и ее наращение [Кобозева, Лауфер, 1994; Лаппо, 2000, Трипольская, 1998; 2012].

Понимание эмоционально-оценочной деятельности говорящих как взаимодействия дискретных модулей сознания позволяет рассматривать разные типы информации в ЧО отдельно, причем большим трансформациям при репродукции оценочного высказывания подвергается именно эмотивно-оценочная информация (в основном происходит гиперболизация оценочных оснований, генерализация, а также повышение эмоциональности и категоричности оценочного содержания, когда исходная оценка является, например, рациональной). Некоторые из этих процессов рассматривает М. Я. Гловинская в работе «Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи», объясняя их ведущими интенциями говорящих и особенностями их картины мира [1998].

Эмотивно-оценочный дискурс К. И. Чуковского включает в себя большое количество чужих эмоциональных и рациональных оценочных высказываний, которые отличаются и степенью точности воспроизведения чужой речи, и, соответственно, языковой формой. Нам предстоит ответить на ряд вопросов, связанных непосредственно с этим типом эмоционально-оценочной информации в тексте дневников: какова роль чужих оценок в дискурсе языковой личности, каковы интенции пишущего, прибегающего к воспроизведению в дневнике не своих эмоциональных оценок, как эта особенность дневникового текста может характеризовать самого пишущего, с одной стороны, и субъекта оценки – с другой. Иными словами, чужие оценки будут рассмотрены как один из косвенных способов высказать свое отношение к действительности или получить

оценочное суждение о себе. Мы сосредоточимся на чужой оценке как способе вписать свое эмотивно-оценочное отношение к действительности в существующий ценностный контекст.

В контексте поставленных задач становится актуальным выяснить «авторство» приводимых языковой личностью эмоционально-оценочных высказываний. Субъект воспроизведенных оценок многообразен. В первую очередь, это оценки писателей, художников, книг, статей, научных работ, данные самими же писателями (Ю. Тыняновым, А. Твардовским, С. Маршаком, К. Фединым и др.). Ср.:

Говорили о поэтах (с Ю. Тыняновым). *«Нет поэтов. Пастернак опустошен и пишет **чорт знает какую ерунду**, напр. в «Известиях». «От Николая Тихонова **ждать нечего**». В. Потолстел. Жалуется на переутомление, но вид у него **титанический**... Рассказывал о Томашевском: как Томаш. **дурачки** вел себя на конференции...»*¹

Во-вторых, оценки, принадлежащие официальным лицам, ценностные ориентиры власти, оценки, насаждаемые ею:

*Этот приезд показал мне, что действительно дана откуда-то свыше **инструкция любить** мои стихи. И все **любят** их даже **чрезмерно**. **Чрезмерность любви** меня главным образом и **пугает**...*

В-третьих, так называемые расхожие мнения:

*Пошляки утешают меня: «За битого двух небитых дают – да никто не берет». – «**Битье определяет сознание**»; Был у меня сейчас Ираклий, недавно воротившийся из Вены. Он пересказал ходячие острооты о деле Александрова – Еголина. «Александров доказал единство формы и содержания: когда ему нравились формы, он брал их на содержание».*

Таким образом, широко представленный в дневниковом тексте чужой эмотивно-оценочный дискурс дает представление об аксиологическом контексте, в который «погружена» языковая личность с ее квалификативным и эмоциональным отношением к действительности.

Характеристика интенций языковой личности, воспроизводящей чужой эмотивно-оценочный дискурс

1. Основной интенцией автора дневника, цитирующего и / или упоминающего чужие оценки, является стремление вписать свое видение мира в существующий ценностный контекст. С помощью введения этого оценочного фона автор дневника придает своим эмотивно- и рационально-оценочным высказываниям соответствующий статус: совпадающий с ценностными ориентирами людей, чье мнение для К. Чуковского небезразлично, и не совпадающий с официальной позицией, а также с позицией лиц, с которыми и следует, с точки зрения пишущего, расходиться во мнениях.

Известно множество языковых способов присоединения или неприсоединения к чужому мнению (в лингвистике достаточно полно описаны языковые средства согласия / несогласия). Для К. Чуковского одним из основных способов является использование эмотивно-оценочной лексики, с помощью которой характеризуется чужая позиция. Ср.:

*Здесь мне особенно ясно стало, что начальство при помощи радио, и теле, и газет распространяет среди миллионов **разухабистые гнусные песни** – дабы население не знало ни Ахматовой, ни Блока, ни Мандельштама... В этом **океане пошлости купается вся полуинтеллигентная Русь**. <...> **выдвинув на первое место таких оголтело-бездарных и ничтожных людей**, как Серафимович, Гладков, Ник. Островский, правительство упорно скрывает от населения стихи Ахматовой, Мандельштама, Гумилева, романы Солженицына...*

Выражение несогласия с чужой оценкой в дневниковом дискурсе имеет свою специфику: противная сторона лишь заявлена (*выдвинув на первое место...*), своя же оценка направлена на то, чтобы скомпрометировать представленное мнение. Эмоциональный накал (возмущение, презрение, неодобрение, горечь и пр.) связан с тем, что авторская позиция ничего не меняет в действительности, дневник же, кроме прочего, является средством проживания и снятия отрицательных эмоций. В этом фрагменте выделяется эмоционально-оценочная домини-

¹ Сохранены орфография и пунктуация автора дневника.

нанта *оголтело-бездарные* (*оголтелый*. 1. *Потерявший всякое чувство меры, крайне разнужданный*; 2. *Ничем не сдерживаемый, крайний по силе, степени проявления* [МАС, 1981–1984]), которая интегрирует эмотивно-оценочную лексику в единый коммуникативный блок. Это слово будет ключевым для понимания резко отрицательной оценочной семантики, которой насыщен фрагмент (*гнусные, ничтожные, пошлость*). Понятие бездарности и связанные с ним морально-этические характеристики занимают центральное место в ценностной картине мира автора.

В тексте дневника *оголтело-бездарные* – это не только крайняя степень бездарности, но и особая напористость, агрессивность, хамство бездарей. Именно в контексте всего дневника становятся оправданными резко отрицательные лексические единицы, irradiрующие это коннотативное содержание другим элементам контекста. Ср.: *разухабистый*. 1. *Удалой, бойкий*. 2. *Слишком вольный, развязный; развязный*. 1. *Подчеркнуто свободный, излишне непринужденный*. 2. *Бесцеремонный, фамильярный* [Там же]. Эксплицитированное в словаре эмоционально-оценочное содержание лежит, однако, в иной плоскости оценки, чем *гнусный, ничтожный* и др. В тексте же актуализируется следующий смысл: «бойкие, громкие, развязные, и это скрывает отсутствие содержания и бездарность». Этот актуальный смысл согласуется с коннотативной семантикой прилагательного *гнусный*.

Подобный пример наведения текстовых смыслов наблюдается и в случае с прилагательным *полуинтеллигентная*, в котором также актуализируется отрицательная оценочная семантика. Ср.: *в океане пошлости купается вся полуинтеллигентная Русь*. Метафора *океан*, кроме семантики «много», хранит память о производящем значении «водоем», которое активизирует целый ряд «водных» ассоциаций. На их фоне значимым становится выбор глагола *купается*, а не *тонет, захлебывается, задыхается, погружается* и др., которые, по сравнению с ним, не имеют ассоциативного семантического компонента «приятно, наслаждение», а напротив, могли бы реализовать широкий спектр отрицательных ассоциативных смыслов. В *океане пошлости* человек должен задыхаться, тонуть и т. д., с точки зрения

автора. Именно эта ассоциативная сема «приятно» актуализируется в тексте и мотивирует и усиливает резкую отрицательную оценку в значении *полуинтеллигентный*, а также вносит в эмоциональную гамму текстового фрагмента чувство горечи и безнадежности.

Этот пример наглядно демонстрирует специфические способы семантического согласования по коннотативным семам, характерные для данной языковой личности.

Кроме эмотивно-оценочной лексики, в подобных речевых актах несогласия с чужой оценкой в тексте дневника прослеживается тенденция к созданию внутренней антитезы: так, в приведенном примере официально признанной «культуре для народа» противопоставляется то, что автор считает большой литературой. А эмотивно-оценочная лексика подчеркивает ту пропасть, которая существует между стихами Ахматовой и «творчеством» Серафимовича и Гладкова. Присоединение или неприсоединение к чужой оценке далеко не всегда имеет прямой способ языкового выражения – особенность дневникового стиля, в котором сообщается чужая позиция, а о своей лишь возможный намек, косвенное высказывание или фигура умолчания. Авторская позиция может быть понята лишь в контексте всего дневника, когда у нас складывается представление о ценностной картине мира пишущего, об отношении, в частности, К. Чуковского к конкретному субъекту оценки. Приведем пример чужой оценки, к которой автор своего отношения не вербализует:

Вчера пришел ко мне Фадеев и просидел девять часов... Долго оплакивал невежество современ. Молодых писателей. Были: Софронов, Бубеннов, Мальцев и еще кто-то. Я им говорю, как чудесно изображена Вера в «Обрыве», и оказывается, никто не читал. Никто не читал Эртеля «Гардениных». Они ничего не читают. Да и писать не умеют, возьмите хотя бы Суркова... Ну ничего не умеет. Двух слов связать не умеет. И вообще он подлец.

Шкловский говорит об отношении Бриков к Маяковскому: «варят клей из покойника».

В контексте дневника оценочные высказывания В. Шкловского и А. Фадеева читаются как воспринимаемые автором с сочувствием и пониманием. Оценка Фадеевым

безграмотных и бездарных писателей вписывается в систему ценностей автора: у него бездарность и безграмотность (*убогость, темнота, элементарность, самоделковость, домотканость* – словами Чуковского) порождают и прочие человеческие пороки, что созвучно оценке Фадеева: «*И вообще он подлец*». В тексте дневника, в собственном эмотивно-оценочном дискурсе К. Чуковского, читаем: *малограмотная сволочь; тупоголовая подлая литература; бездарный, сумасшедший, нравственно грязный; бездарен, невежественен, хамоват, туп, вульгарно-мелочен*. В ценностной картине мира автора просматривается очевидная зависимость между бездарностью, безграмотностью человека и его отрицательным нравственным обликом. Именно этот широкий контекст дневника позволяет интерпретировать чужую эмоциональную оценку (А. Фадеева) как вызывающую сочувствие автора текста.

Таким образом, чужая оценка в эмотивно-оценочном дискурсе языковой личности оправдана стремлением автора дневника а) показать широту диапазона ценностных представлений говорящего коллектива (точнее, его определенной части), б) на этом фоне высветить свою эмоциональную оценку, сопоставив или противопоставив ее чужим.

2. Чужая оценка как средство характеристики ее автора.

Если рассматривать эмотивно-оценочный дискурс как «вид словесности» (Ю. Н. Караулов), которым оперирует языковая личность, то можно использовать его как средство характеристики говорящего субъекта. Отметим, что мало в какой языковой области так ярко проявляются личностные качества человека, как в области выражения эмоций и оценок. Естественно, главное для Чуковского в его собеседниках проявляется в их книгах, статьях, картинах, фильмах, но есть и та область человеческого существования, которая как бы остается за текстом, и она тоже интересует автора дневника. И К. Чуковский делает в дневнике беглые, но очень точные портретные зарисовки разных людей, пользуясь своеобразным приемом: он не описывает зачастую поступков, качеств характера, поведенческих черт, но дает блоки оценочных высказываний человека о многих фактах, событиях, лицах. Та-

ких портретов, пожалуй, два во второй и третьей частях дневника. Это портрет А. Твардовского и Ю. Тынянова (две центральные фигуры, дорогие и любимые автором в разные периоды его жизни). Обратимся к тексту.

Эмотивно-оценочные высказывания А. Твардовского представлены в дневнике двумя фрагментами – результат двух встреч собеседников:

Был у меня вчера Твардовский вместе с Казакевичем. У меня такое чувство, будто у меня был Некрасов... «Муравия» и «Теркин» для меня драгоценны... Твардовский говорил обо всем откровенно. Об Эренбурге: «бездарно переводит французских поэтов, и, читая его низкопробные стихи, я не верю ни в его романы, ни в его стихи. Вообще по стихам можно сразу узнать человека. Как-то я заболел – пришел врач – у меня растяжение жил, он прописал лекарство, а потом говорит: рад познакомиться с вами, я ведь тоже пишу стихи – и прочитал такую галиматью, что я ужаснулся: неужели такой идиот может лечить людей. Сразу увидел, что врач он никудышный... К Барто относится с презрением. Стихи Ник. Тихонова об Орджоникидзе омерзительно-слабы. Косноязычные, глупые, беспомощные. Встретил Кожевникова, зовет в «Знамя». Я говорю: как не стыдно печатать такую чушь, как стихи Тихонова... Говорил о черносотенцах и подонках: «они вовсе не так сплочены – охотно продают друг друга, и при этом все, как один, бездарны».

С Твардовским несколько длинных разговоров. «Ненавижу слово творчество (выделено К. Ч.). Совесть говорить про себя: я живу в доме творчества. Мне дана творческая командировка и т. д. Я даже слово поэт (выделено К. Ч.) не смею применить к себе. А теперь сплошь говорят: мы, трое поэтов. Как вычурно пишет Паустовский, а обыватель любит. А какой шарлатан Лев Никулин! Бедный Казакевич: не дается ему солдатская речь. Чуть начнут говорить солдаты – фальшь. Что за чудак Маршак. Он требует, чтобы его переводы печатались так: раньше крупными буквами: Маршак, потом перевод, а потом мелким шрифтом Шекспир».

Эмотивно-оценочный дискурс А. Твардовского воспроизведен автором дневника

в виде прямой и косвенной речи (запись трех разговоров с А. Твардовским).

Эмотивно-оценочные высказывания А. Твардовского, представленные единым блоком, действительно, являются портретной зарисовкой, в которой он бескомпромиссный критик, чутко чувствующий слово, не боящийся высказывать свои резкие суждения редакторам, умеющий мягко посмеяться (*Маршак чудак*), наивный и смешной, когда судит о враче по качеству его стихов, мужественный человек, способный противостоять «*черносотенцам и подонкам*», очень пристрастный и порой несправедливый в оценке чужих стихов. Очень разный, и передать эту многогранность человека можно различными способами. К. Чуковский выбирает свой, состоящий в реконструировании ценностной картины мира другого человека. Конечно, это не единственный способ портретных зарисовок в дневнике. А. И. Солженицын, например, фигура чрезвычайно интересная и дорогая автору, дан иначе: нет совсем (или почти нет) его оценочных суждений о литературе, о литераторах, зато множество страниц посвящено его книгам («правая кисть»!), его борьбе с правительством, его мужеству. Он важен Чуковскому в действии, он деятель, и этим дорог и интересен автору дневника.

Существенным является вопрос о том, с помощью каких языковых средств, в частности с помощью какой эмотивно-оценочной лексики, передается чужой эмотивно-оценочный дискурс. При всем бережном отношении к чужому слову (например, отношение Твардовского к словам *поэт, творчество*) эмотивно-оценочный дискурс Твардовского, воссозданный в дневнике, содержит некоторые существенные черты лексики самого К. Чуковского. В речи Твардовского, воспроизведенной К. Чуковским, нередки следующие эмотивные оценки: *патентованный мерзавец, черносотенцы, подонки, омерзительно-слабо, идиот* и др. Эти же оценочные единицы частотны в дискурсе самого автора. Ср.: *Здесь схватка интеллигенции с черносотенцами, которые, конечно, возьмут реванш; Теперь я вижу, как невыгодна черносотенцам антисталинская кампания, проводимая Хрущевым; ...где особенно омерзительны статьи о Слепцове* и др.

Особо следует сказать о сочетании *патентованный мерзавец*. Это явно окказиональное сочетание, которое встречается в авторской речи и в оценочных высказываниях, например, Ю. Тынянова, воспроизведенных автором дневника. Ср.: *В Изд. Встретил Тынянова... «А пишу я сейчас для Мюзик-Холла... выходят мои переводы из Гейне... Предисловие написано – ну топорно, ну тупо, но ничего, а вот примечания Берковского, это чорт знает что – наглость и невежество, вот вы сами увидите. Позвольте, я к вам приду, у меня есть новый номер: академик Орлов – вот дурак патентованный, я столкнулся с ним на Ломоносове. Вот так идиот, любо-дорого...»*

Очень сомнительно, чтобы два разных человека использовали один и тот же интенсификатор (*патентованный*), не зафиксированный словарями, в разное время (1932 и 1962 гг.). Кроме того, это словосочетание встречается и в эмотивно-оценочном дискурсе самого Чуковского. Есть и менее бесспорные наблюдения, подтверждающие высказанное предположение. Например, *чорт знает что* в цитируемой речи Тынянова и множественное употребление словосочетания самим Чуковским, *черносотенцы* как оценочная метафора у Твардовского и ее частотное употребление автором дневника.

С другой стороны, в воспроизведенном дискурсе других людей есть эмотивно-оценочные единицы, ни разу не встретившиеся в собственной речи писателя: *галиматья* (Твардовский) – у Чуковского для выражения этого понятия и соответствующей эмоциональной оценки предпочтительными оказываются слова *чушь, чушь собачья* (самые частотные), *ерунда, бред, чепуховая мысль*; ни разу не используется слово *чудак*, оно встречается только в цитируемой речи Твардовского.

Очевидно, мы имеем дело с воспроизведенным эмотивно-оценочным дискурсом, который передает общее эмоционально-оценочное отношение к миру, в лексическом же строе чужой речи имеются черты лексики субъекта оценки и того, кто ее передает.

К особой точности представления чужой оценки (и шире – чужой речи в целом) автор стремится в следующих случаях, когда

1) оценка рассматривается им как оригинальная, остроумная, нестандартная, содержащая «свое» слово:

Богословский вчера мимоходом: «Если человек получил пощечину, это – оскорбление действием. Если он смотрит пьесу “Фронт”, это оскорбление тремя действиями»; подхалимляне; одесские изыски (принадлежит Тынянову); идьот (Клячко); Твардовский сидит в компании в холле. Я проходя говорю: «Совет старейшин». Он отзывается: Совет Курейшин; – Вы – ходячий? Нет, скакачий!

2) оценка, будучи косвенным высказыванием, в том числе и метафорой, не совсем понятна автору, он стремится ее истолковать:

Я взглядываюсь пристальнее. Лежнев... Стецкий... Горбунов... неперемный член Академии Наук – Щербаков. Толстой говорит о нем: – Кролик, проглотивший удава (Не знаю почему. Не потому ли, что лицо у него каменное, Толстой жалуется: не могу смотреть на него: парализует) <...>

3) когда автор стремится передать и оценить стиль квалификативных высказываний другого человека:

В сущности волнуется один Цявловский. Горячим, громким голосом, которого хватило бы на десять таких зал, сообщает он о всех мемориальных досках... Кричит, кипит, лицо красное:

К нашему счастью (выделено Чуковским) *этот старый флигель сохранился... К нашему глубокому горю* (выделено Чуковским) *от этого мезонина и следа не осталось...*

Аудитория не чувствовала ни горя, ни счастья.

В последнем примере не только черты языкового портрета Цявловского, но и оценка его языковой манеры самим Чуковским, который точно улавливает дисгармонию эмотивно-оценочной речи оратора и полное равнодушие слушающей аудитории.

Очевидно, этим и ограничиваются те случаи, когда автор дневника стремится к дословному воспроизведению чужих оценок. В прочих он передает ценностное суждение и эмоциональное отношение и состояние говорящего, в целом сохраняя его языковой вид, однако, как мы видели, в эмотивно-оценочный дискурс «хозяина» оценки вкрапляются элементы эмотивно-

оценочного лексикона самого Корнея Чуковского.

Подобные наблюдения над способами передачи чужого эмотивно-оценочного дискурса позволяют выдвинуть предположение, что эмотивно-оценочная лексика, несмотря на ее яркость, иногда индивидуальный характер, практически так же быстро «теряется», проходя через фильтр поверхностной памяти адресата, как и номинативные единицы языка. В глубинной памяти остается лишь общее содержание оценки и эмоциональное впечатление, которое потом воспроизводится с помощью своих предпочтительных эмотивно-оценочных единиц. С потерями и приращениями смысла мы сталкиваемся и при передаче нейтральной информации [Чейф, 1983; Кобозева, Лауфер, 1994; Лаппо, 2000]. При реконструкции же чужого эмотивно-оценочного дискурса с помощью «своих» языковых средств говорящий жертвует личностными смыслами автора оценки, особенно в области коннотативного содержания высказывания, снабжая изначальную эмоциональную оценку дополнительными созначениями, которые он вносит со своей лексикой.

Следует отметить, что оформление чужой оценки как цитаты (и тем более как прямой речи) не гарантирует дословной передачи чужой речи: эмотивно-оценочная лексика К. Чуковского проникает в дискурс другого субъекта независимо от языковой формы представления последнего.

Представляется, что способы реконструкции чужих оценок являются еще одним критерием экспликации языковой личности. Все многообразие типов говорящих субъектов располагается между двумя полюсными точками – «соавтор» передаваемой оценки и «регистратор» чужого речевого поступка.

Подведем итоги.

Чужая оценка, являясь существенным элементом эмотивно-оценочного дискурса языковой личности, выполняет следующие функции: позволяет вписать собственные оценочные суждения и эмоциональное отношение к ним в ценностный контекст говорящего коллектива; используется для характеристики субъекта оценки, в ряде случаев вырастая до портретных зарисовок, представленных в дневнике, а также участвует в выражении (подкреплении, мотивации) самооценки пишущего. Чужая оценка в

эмотивно-оценочном дискурсе человека имеет и свою специфику языкового воплощения, суть которого в приращениях, наложениях, изменениях коннотативного содержания, неизбежно привносимых говорящим субъектом вместе со **своим** эмоционально-оценочным словом.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Бахтин М. М. Человек в мире слов. М., 1995.

Гловинская М. Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка. М.: Наследие, 1998. С. 14–29.

Кобозева И. М., Лауфер М. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63–70.

Лапто М. А. Высказывания с семантикой состояния: непосредственное описание эмоций и описание-воспоминание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности //

Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.

Трипольская Т. А. Типы и функции чужих оценок в дискурсе языковой личности // Вестн. Хакас. гос. ун-та. Сер. 5. 1998. Вып. 5. С. 83–87.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Моногр. Новосибирск, 1999а. 168 с.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999б. 37 с.

Трипольская Т. А. Чужая оценка: от невольного обмана до преднамеренной лжи // Дискурс лжи и ложь как дискурс. Новосибирск, 2012. С. 14–24.

Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 35–73.

Список словарей

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Материал поступил в редколлегию 01.11.2012

Т. А. Tripolskaya

LINGUAL IDENTITY IN ASPECT OF EMOTIONAL-EVALUATING ACTIVITY: ANOTHER'S EVALUATION IN K. I. CHUKOVSKIY'S DIARY DISCOURSE

The article discusses the issues about the role of other persons' assessments in a language personality discourse, about the intentions of diary author, who is reproducing the emotional assessments of other persons. It deals with the specifics of diary text, characterizing the writer of the text on the one hand and the assessing Subject on the other. The assessments of the other persons are considered to be one of the indirect ways to express the personal attitude to reality and to get the self-assessing statements.

Keywords: language personality, emotional discourse, words of emotional assessment, the assessment of other persons.